

МЕХАНИЗМЫ КОНТРОЛЯ ЗА ВОЕВОДСКОЙ АДМИНИСТРАЦИЕЙ: ИНСТИТУТ СЫЩИКОВ В РОССИЙСКОМ ГОСУДАРСТВЕ XVII века

Е. В. Камараули

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 15 февраля 2014 г.

Аннотация: *статья посвящена функционированию института сыщиков как агентов центральной власти в Российском государстве XVII в. Рассматриваются взаимоотношения сыщиков и городских воевод, анализируется уровень полномочий сыщиков.*

Ключевые слова: *воеводское управление, сыщики, приказная система.*

Abstract: *article is devoted to functioning of institute of detectives as agents of the central power in the Russian state of the XVII century. Relationship of detectives and policemen of voivodes are considered, the level of authority of detectives is analyzed.*

Key words: *voyevodsky management, detectives, mandative system.*

Воеводское управление, распространившееся в XVII столетии на всей территории Российского государства, носило двойственный характер. В русле централизации власти правительство ограничивало самостоятельность воевод. Эта тенденция отчетливо проявилась в воеводских наказах. Даже в решении повседневных хозяйственных вопросов воеводы вынуждены были «денно и ночью» сообщаться со столичными властями. С другой стороны, мелочная опека не давала гарантии от произвола уездной администрации. Это противоречие было отмечено в XIX в. историками государственной школы.

В частности, один из первых исследователей областного управления в России XVII в. Б. Н. Чичерин отмечал затруднения центра в контроле над деятельностью воеводской администрации, связывая эти трудности с «отсутствием однообразного, определяемого законом местного делопроизводства» [1, с. 99]. А. Д. Градовский, проведя подробный анализ наказов, сделал вывод о чрезмерной власти воеводы «как исполнительного агента» центральной власти и о слабости его «как самостоятельного администратора» [2, с. 305]. А. А. Кизеветтер заключал, что государство не имело в реальности средства для подчинения воевод руководству центральных учреждений, а единственным способом контроля и методом борьбы со злоупотреблениями было частое смещение администраторов [3, с. 58–59].

Современные региональные исследования по истории местного управления в России XVII в. не обошлись без сюжетов о воеводских злоупотреблениях и должностных преступлениях. В. А. Алексан-

дров и Н. Н. Покровский описали борьбу населения с произволом воевод в Сибирском крае [4]. Основательный раздел о воеводских злоупотреблениях вошел в монографию сибирского исследователя Е. В. Вершинина [5]. Случаи противостояния миров русского Севера и воевод, возникавшие в случае слишком агрессивных поборов со стороны последних, были рассмотрены Е. Н. Швейковской [6, с. 255–257]. В отношении Юга России необходимо отметить исследования В. Н. Глазьева о злоупотреблениях воевод в губных делах [7, с. 286–292], работу Т. В. Жибровой по изучению конфликтов воеводской власти и откупщиков таможенных и кабацких сборов в Воронежском уезде [8].

Обращаясь к теме настоящего исследования, выделим способы контроля над деятельностью воеводской администрации. Первый способ – это полная документальная отчетность воевод при изменениях в должности. По истечении срока своих полномочий воевода распоряжался о составлении росписи городского имущества. По этой росписи происходила передача казенной собственности новому администратору, производились фактический осмотр и перевес наличных военных припасов, хлеба, пересчет денежной казны. Отчет о текущей деятельности воевод осуществлялся в виде регулярных отписок в московские приказы.

Второй способ – в текст наказов вводились статьи, предостерегавшие воевод от эксплуатации подведомственного населения: «обид, и налог, и насильств не чинить», «и для своего пожитку ни в чем не теснить» (так гласил указ 1620 г., включенный в состав воеводских наказов XVII в., требовавший, чтобы воеводы «всяким деловым человеком быть и хлеба мо-

лоть, и толочь, и печь, и никакова изделия делать на себя во дворах, и в посадах, и в слободах не велели»). Ряд наказов содержал прямой запрет на бесплатное использование ремесленного, крестьянского и другого труда местного населения [9, с. 184]. Нарушение статей наказа каралось пенями, опалой и «жестоким наказаньем». Размеры и виды наказаний за должностные преступления воевод содержались не в наказах, а царских грамотах по каждому конкретному случаю злоупотреблений. Например, наказание в виде пени в 500 рублей грозило землянскому воеводе Ф. Голенищеву-Кутузову за невыполнение расположенный Государева разрядного шатра [10, с. 223].

Третий способ – правительство черпало информацию о неполадках в государстве из коллективных и личных челобитных, изветов, доносов, поскольку в России XVII в. не существовало регулярных контрольных учреждений. Челобитные населения о случаях вопиющего беззакония воевод были как бы «тревожными сигналами», на которые правительство реагировало присылкой сыщиков.

Служба сыщиков получила широкое распространение в Московском государстве в качестве временного инструмента власти, применявшегося в трудных и чрезвычайных ситуациях. В поле деятельности сыщиков в разное время входили розыск беглых крепостных крестьян, противодействие уголовной преступности [11], различные розыскные и следственные мероприятия. Сыщики назначались из служилых людей московских чинов, реже – из городских дворян и детей боярских. Для проведения расследования им полагался штат помощников – подьячие для ведения делопроизводства и служилые люди для выемки преступников и других поручений. Расследуя дела, сыщик руководствовался наказом и текущими указаниями из центра.

В отдельных случаях сыщиков сопровождали московские подьячие. Осевший в Воронеже подьячий со справой Павел Вахтин сообщал, что, будучи подьячим Казанского приказа, он участвовал в посылке «у сысканого дела» со стольником И. С. Чаадаевым. В задачу его входило ведение документации и выполнение поручений сыщика, занимавшегося розыском беглых крепостных в городах Поволжья в 1692 г. [12]. Значительно чаще сыщикам приходилось прибегать к услугам местных писчиков. Подьячим приказных изб и площадным дьячкам часто приходилось «писать» для столичных сыщиков (см., например, послужные списки местных подьячих и площадных дьячков: [13]).

Посылка сыщиков была типичным методом расследования воеводских злоупотреблений. Изучив достаточное количество подобных сысков, мы можем сделать общие выводы и наблюдения [14]. Итак, большинство сысков начиналось с челобитных или

доносов о преступлениях и бесчинствах, совершаемых воеводами. Для расследования злоупотреблений южнорусских воевод сыщиков высылал Разрядный приказ или Белгородский разряд.

В наказе главе Белгородского разряда боярину Б. П. Шереметеву в 1687–1688 гг. определялся такой порядок расследования коллективных челобитных на воевод: назначение сыщика, временное отстранение воеводы от управления, при необходимости высылка его в другой город. Окончательное отстранение воеводы и его замена новым оставались прерогативой Разрядного приказа.

Каковы же были пределы компетенции сыщиков? Во-первых, они действительно брали на себя управление городом и уездом на время проведения сыска, хотя реализовать это право в полной мере им удавалось редко. Во-вторых, могли допрашивать воеводу, проводить очные ставки, допросы свидетелей и другие следственные мероприятия. В-третьих, в случае неповиновения воеводы сыщик мог применить меры пресечения, согласованные с центром, – заключить воеводу под стражу на короткий срок.

Особое место среди следственных мероприятий занимали повальные обыски – поголовные опросы свидетелей. Сыщик формально руководил опросом, а подьячие выполняли рутинную работу. Они записывали показания – сказки – городских и уездных жителей, количество которых доходило до нескольких сотен и даже тысяч человек. Повальный обыск был процедурой трудоемкой, длительной. Писчики работали не покладая рук, расходуя немалое количество бумаги. Каков же итог? Свидетели или придерживались с завидным постоянством абсолютно одинаковых показаний, так что легко можно было заподозрить их в сговоре, или яростно противоречили друг другу, или путались в показаниях, не припоминая нужных событий.

Кратко рассмотрим для наглядности два сыска. Первый, нетипичный, – это пример оперативной, быстрой работы. Летом 1670 г. в Разрядный приказ поступил донос на коротоякского воеводу Ф. Вындомского, что, вопреки строжайшему царскому запрету, он пропускал торговцев в казачьи городки на Дону, где обосновался бунтовщик С. Разин. Всякое торговое сообщение с донскими казаками было пресечено властями, чтобы бунтовщики почувствовали себя на положении осажденных, а торговцы не примкнули к восставшим. Вина воеводы заключалась в том, что, получив грамоту о запрете торговли с Доном, он не зачитал ее населению, что само по себе считалось серьезным проступком. В России процедура чтения указов перед населением придавала царским постановлениям силу закона. Из-за попустительства воеводы торговые суда неделю беспрепятственно плыли на Дон к казакам. Решено было действовать

методом повального обыска, и если бы большинство населения подтвердило донос, то воеводе грозило нещадное битье кнутом и запись в стрельцы.

В первый обыск сыщик поспешно опросил 76 человек, на что из Москвы было замечено, что таким обыскным речам «верить нечего, обыскано малыми людьми и то все глухо». Было указано опросить всех 1280 человек служилых людей полковой и городской службы, которые значились по сметной годовой росписи 1670 г. в г. Коротояке. Во время второго обыска за несколько дней было опрошено 1278 человек (2 человека были в отъезде). Свидетели проявили завидное единодушие: грамота с запретом населению была прочитана, числа никто не помнит, после прочтения воевода никого на Дон не пропускал и по берегу реки выставил на заставе караульщиков. Воевода был оправдан, расследование завершилось в короткие сроки, поскольку в деле были замешаны важные государственные интересы.

Второй сыск – это типичный пример той волокиты, которая сопровождала расследования по воеводским делам. Многочисленные злоупотребления данковского воеводы А. Г. Суворова в течение 1701–1702 гг. последовательно разбирали три сыщика. Первый сыщик был отстранен по «недружбе» с воеводой, второй – был отставлен по просьбе челобитчиков – жителей Данкова. В помощь третьему сыщику прибыл подьячий из Разрядного приказа. Мы имеем два разноречивых показания о его приезде, характеризующие нравы того времени. По словам воеводы, подьячий явился в приказную избу без всякого почтения: шапки не снял, царской грамоты не показал, избил у крыльца стрельца-караульщика. По словам сыщика, напротив, воевода разрядного подьячего бранил, угрожал избить, прогонных денег не заплатил, а на допросы ходить категорически отказался. В конечном итоге А. Г. Суворова не только очистили от всех исков, но и разрешили год сверх срока оставаться на воеводстве.

Нельзя отказать воеводам в изобретательности по части противодействия сыщикам. Сопротивление власти сыщика начиналось с отказа предоставить ему постоялый двор, подьячих для письма и служилых людей для посылок. Далее следовало уклонение от допросов и очных ставок с истцами-челобитчиками, самовольный выход воеводы из-под стражи. Воевода мог уверять центральные власти о давней вражде с сыщиком, ссылаться на частные обстоятельства, якобы мешающие сыщику вести расследование непредвзято. Все эти меры тормозили проведение сыска. Сыщики сменялись, бездействовали, либо «норовили» воеводам за взятку.

Нередко воевода и его сподвижники запугивали челобитчиков с применением насилия. В ответ на жалобы воевода организовывал подачу «обеляющей»

челобитной, в которой он представал перед властями как человек «добрый», радеющий на своем посту о благе государства, не чинящий населению «налог и обид». Такую челобитную добровольно подписывали только воеводские «ушники и советники», а остальное население прикладывало руки «из-за караула» или под угрозой физической расправы.

Цели, которые преследовал воевода, затягивая сыск, понятны. Во-первых, нужно было сохранить репутацию и «корыстовную» должность. Во-вторых, заставить истцов отказаться от своих претензий, «замириться» с челобитчиками малыми деньгами. Уездные жители соглашались на небольшие суммы компенсаций, опасаясь, что воевода начнет их «волочить» в Москве, где они «вконец разорятся».

Таким образом, среди документов Разрядного приказа можно встретить немалое количество дел о злоупотреблениях воевод. Центральные власти пытались бороться с отрицательными явлениями в воеводском управлении. К таким явлениям стоит отнести прямой грабеж населения, попытки воевод хозяйничать в городах и уездах, как в собственных вотчинах и поместьях, опираясь на феодальное право и насилие. При этом механизмы борьбы с воеводским произволом были недостаточно эффективны.

Непреложен тот факт, что в Московском государстве каждый мог подать челобитную не только в приказ, но и лично царю, с просьбой о милости, с жалобой на обидчиков приказных людей и воевод. Однако подача челобитной была хлопотным и затратным мероприятием, а воеводы не очень опасались этих жалоб, так как на все обвинения сочиняли встречные челобитные, где выдвигали свои доводы. Содержание сыщика во время расследования ложилось на плечи местного населения, в прибавку к содержанию воеводы и его семьи. Сыщики назначались из тех же социальных слоев, что и воеводы, некоторые сами бывали на воеводствах, и потому не проявляли должного рвения в обличении своих «собратьев».

Тем не менее надо учитывать низкий уровень развития отечественного государственного аппарата, несовершенство юридических норм того времени. Российский приказный строй XVII в. вырос из отдельных поручений, или приказов, выполнявшихся определенными лицами. Институт сыщиков XVII в. стоял еще на середине пути от личного поручения к регулярному государственному учреждению.

ЛИТЕРАТУРА

1. Чичерин Б. Н. Областные учреждения России в XVII веке / Б. Н. Чичерин. – М. : Типография А. Семена, 1856.
2. Градовский А. Д. История местного управления в России / А. Д. Градовский. – СПб. : Типография Головина, 1868. – Т. 1.

3. Кизеветтер А. А. Местное самоуправление в России IX–XIX ст. : исторический очерк / А. А. Кизеветтер. – 2-е изд. – Пг., 1917.
4. Александров В. А. Власть и общество. Сибирь в XVII в. / В. А. Александров, Н. Н. Покровский. – Новосибирск, 1991.
5. Вершинин Е. В. Воеводское управление в Сибири (XVII век) / Е. В. Вершинин. – Екатеринбург, 1998.
6. Швейковская Е. Н. Государство и крестьяне России. Поморье в XVII веке / Е. Н. Швейковская. – М., 1997.
7. Глазьев В. Н. Власть и общество на юге России в XVII веке : противодействие уголовной преступности / В. Н. Глазьев. – Воронеж, 2001.
8. Жиброва Т. В. Организация таможенного и питейного управления в Воронежском уезде в XVII веке / Т. В. Жиброва. – Воронеж, 2011.
9. Енин Г. П. Воеводское кормление в России в XVII веке (содержание населением уезда государственного органа власти) / Г. П. Енин. – СПб., 2000.
10. Перегудов А. В. К вопросу о компетенции воронежского Государева разрядного шатра и документировании его деятельности / А. В. Перегудов // Русь, Россия. Средневековье и Новое время. – 2013. – № 3. – С. 220–225.
11. Глазьев В. Н. Сыщики по разбойным делам после «Смутного времени» / В. Н. Глазьев // Мининские чтения : третья науч. конф. – Н. Новгород, 2007. – С. 124–129.
12. Российский государственный архив древних актов. – Ф. 210. – Оп. 12. – Стб. Белгор. ст. – Д. 1564. – Л. 8–17.
13. Российский государственный архив древних актов. – Ф. 210. – Оп. 13. – Стб. Приказн. ст. – Д. 330. – Л. 403–405 ; Д. 684. – Л. 18–21 ; Оп. 12. – Стб. Белгор. ст. – Д. 523. – Л. 431–434.
14. Камараули Е. В. Южнорусская приказная изба как учреждение местного управления во второй половине XVII века / Е. В. Камараули. – Воронеж, 2009.

Воронежский государственный университет

Камараули Е. В., кандидат исторических наук, доцент кафедры политической истории

E-mail: kamarauli@bk.ru

Тел.: 8 (473) 239-29-34

Voronezh State University

Kamarauli E. V., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Political History Department

E-mail: kamarauli@bk.ru

Tel.: 8 (473) 239-29-34